ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

SHOUT
SHARE
IT

- Владимир Маяковский
  -
  - Комментарии
    -
- notes
  - 1

Владимир Маяковский
КАК Я ЕЕ РАССМЕШИЛ

Должно быть, иностранцы меня уважают, но возможно и считают идиотом, — о русских я пока не говорю. Войдите хотя бы в американское положение: пригласили поэта, — сказано им — гений. Гений — это еще больше чем знаменитый. Прихожу и сразу:

— Гив ми плиз сэм ти![1]

Ладно. Дают. Подожду — и опять:

— Гив ми плиз…

Опять дают.

А я еще и еще, разными голосами и на разные выражения:

— Гив ми да сэм ти, сэм ти да гив ми, — высказываюсь. Так вечерок и проходит.

Бодрые почтительные старички слушают, уважают и думают: «Вон оно русский, слова лишнего не скажет. Мыслитель. Толстой. Север».

Американец думает для работы. Американцу и в голову не придет думать после шести часов.

Не придет ему в голову, что я — ни слова по-английски, что у меня язык подпрыгивает и завинчивается штопором от желания поговорить, что, подняв язык палкой серсó, я старательно нанизываю бесполезные в разобранном виде разные там О и Ве. Американцу в голову не придет, что я судорожно рожаю дикие, сверханглийские фразы:

— Ес уайт плиз файф добль арм стронг…—

И кажется мне, что очарованные произношением, завлеченные остроумием, покоренные глубиною мысли, обомлевают девушки с метровыми ногами, а мужчины худеют на глазах у всех и становятся пессимистами от полной невозможности меня пересоперничать.

Но леди отодвигаются, прослышав сотый раз приятным баском высказанную мольбу о чае, и джентльмены расходятся по углам, благоговейно поостривая на мой безмолвный счет.

— Переведи им, — ору я Бурлюку, — что если бы знали они русский, я мог бы, не портя манишек, прибить их языком к крестам их собственных подтяжек, я поворачивал бы на вертеле языка всю эту насекомую коллекцию…

И добросовестный Бурлюк переводит:

— Мой великий друг Владимир Владимирович просит еще стаканчик чаю.

Ладно.

Дома отговорюсь.

Я поговорю!

Я поговорю так, что обхохочется не знавший улыбки редактор «Крокодила», я поговорю так, что суровые судебные исполнители, описывающие мебель за неуплату налога, мебель вдовы, голодной старушки, — эти суровейшие чиновники, рискуя потерять службу, будут прыскать со смеху, вспоминая мои слова.

И вот я дома.

Вы поймете меня.

С разинутым ртом, с уже свисающим с губы словом бросаюсь всюду, где есть хоть маленькая надежда поговорить.

С риском возбудить фантастические подозрения, ввязываюсь в меланхолические разговоры выворачивающих сундучки пограничников; встреваю в семейный спор красноармейца и его бабы и, моментально заставив их замолчать, обращаю семейство в бегство; весь в ораторском напряжении, я стою поперек вагонного коридорчика, готовясь на первого вышедшего обрушиться всеми залежавшимися вопросами и ответами.

Оратору поезд, идущий из-за границы, плохая пожива. Направо в купе японцы, и язык у них японский; налево — француз безмолвный, все шире и шире открывающий испуганные глаза с каждым новым километром российского снега.

Лишь одно купе показалось мне подозрительным по возможной русскости, и я повел организованную осаду.

Час тому назад прошмыгнул человек в кашне, весело проорав, ни к кому не обращаясь:

— Они дают пятнадцать градусов мороза, не вижу десять!

Кто ему дает? Почему пятнадцать? Отчего он не видит? Ничего не понятно.

Проорал, захлопнул дверь и набросил цепочку.

Еще через час задверный храп убедил меня ослабить осаду. Я поспал на скорую щеку и в 7 утра уже стоял на посту.

В одиннадцать распахнулась дверь, и появилась женщина, запахнутая в три пары всего заграничного.

Она держала в руках огромную зубную щетку, хотя золото, кажется, лучше чистить замшей.

Женщина деловито обратилась ко мне:

— Кто есть в уборной?

На это я не приготовил ответа и как-то замялся плечами.

— Не заметили? — сказала женщина с таким презрением, что я до Москвы уселся на свое место. Отучился говорить. Крыть нечем. Я ехал из Нью-Йорка, как-то не заметил Москвы и почти что прямо подъезжал к Краснодару. Все-таки я буду говорить.

Я буду говорить с казаками и казачками, Краснодар — это столица Адыгеи, не коридор, не бездарный коридор интернационального, видите ли, общества спальных вагонов.

Уже скопились за день слова и фразы, уже я обернул их так, что должны, не могут не смеяться любые носители русских безграничных слов.

На первом встречном, — говорил я себе, взволакивая чемодан на второй этаж Первой советской гостиницы, — на первом встречном — испробую я веселящую силу слова.

В 8 часов утра в гостиницах еще пусто, но я пережал весь тариф звонков, обозначенный в белой, прислюненной к стенке бумажке.

Пришла молодая, красивая, большая женщина.

— Дайте чаю, — сказал я, справедливо рассчитывая вовлечь ее в разговор, используя посудную волокиту.

Надо расположить ее к себе. Помогая поднять самовар, я уже весело спрашивал:

— Вы по-русски разговариваете? или по-адыгейски?

— Чего? — переспросила она.

— А то вот я из Украины, там столб: направо писано «Бахмач» для русских, и налево такой же самый «Бахмач» — только для украинцев.

— Чтоб не запутались, — согласилась она сочувственно.

— А в вашем городе есть и улица Энгельса и переулок Луначарского?

— Это которые? — спросила она.

Видя несоответствие реплик, я перешел на бытовые темы.

— Шашлыку мне вчера в духане не дали, говорят, неурожай барашков.

— Барашки, правда, не уродились, — согласилась она, уже покончив с посудой, по-видимому, недоумевая и силясь понять, куда я клоню разговор.

— В вагоне, — продолжал я, повышая голос и теряя самообладание, — ко мне человечка посадили, маленький, а копун, утром полчаса одевается. Я ему говорю: чего возитесь? Это мне трудно одеваться, а вам что — брючки у вас крохотные!

Женщина вспыхнула, насупилась и сказала грубо:

— Оставьте насчет штанов и их снимания, я член профсоюза, — сказала и вышла, хлопнув дверью.

Озлобленный и униженный, я расстелил мой каучуковый таз-ванну, тяжелыми шагами пошел в уборную и, не доходя до прислужьей комнаты, крикнул в пространство:

— Ведро холодной воды в шестнадцатый номер!

Возвращаясь из уборной, я вдруг встал. Встал как вкопанный.

Несся смех. Этот смех несся из моего номера. Я поднялся на цыпочки и пошел, как лунатик, к цели, к щели. Я хочу видеть того, я хочу пожать руку тому, кто сумел рассмешить эту памятниковую женщину.

Завистливый, уткнулся я в дверную расселину. Женщина стояла над моим каучуковым тазом, женщина уперлась в газ слезящимися от смеха глазами и хохотала. Хохотала так, что по ванной воде ходили волны, и не свойственные стоячим водам приливы и отливы роднили таз и море.

—

В этот день я понял многое: и трудность писательского ремесла, и относительность юмора.

[*1926*]

Комментарии

Как я ее рассмешил. Впервые — журн. «Красная нива», М., 1926, № 29, 18 июля.

Серсо — игра с тонким, легким обручем, который подбрасывают и ловят специальной палочкой.

…не заметил Москвы и почти что прямо подъезжал к Краснодару. — В Краснодаре Маяковский был 12–15 февраля 1926 года.

С. Стыкалин

notes

Примечания

1

Дайте мне, пожалуйста, стакан чаю *(англ.)*.